

В ПОИСКАХ УНИВЕРСИТЕТА ДЛЯ XXI ВЕКА

Мацкевич В., Барковский П.
Университет: дискуссия об основаниях.
Минск: И.П. Логвинов, 2011. 159 с.

Несколько лет назад в серии, издаваемой британским Обществом исследований высшего образования, вышла книга под весьма интригующим названием – *Reclaiming Universities from a Runaway World*, которое можно перевести как *Регенерация (или рекультивация, восстановление) университетов из ускользающего мира*.¹ Идущая от Ульриха Бека и Энтони Гидденса метафора «ускользающего мира» – социального состояния, характерного для ситуации глобализации,² – описывает упадок принятых нарративов социальности ввиду нелинейного, открытого, крайне амбивалентного, непрерывного процесса индивидуализации. Индивидуализация входит в противоречие с социальными институтами, ориентированными на общность, сходство и устойчивость. Иными словами, институты, опирающиеся на предпосылку гомогенности, должны приходиться к согласию с гетерогенностью, характерной для «ускользающего мира». И это особенно значимо для университетов как социальных институтов, претендующих на сохранение традиций, на «образцовость», на «воспитательную» и даже «лидирующую» роль в обществе.

В названном так же, как и вся книга, заключительном разделе известный британский исследователь проблем высшего образования Р. Барнет замечает, что идея регенерирования означают обращение к тому, что было утрачено, но заслуживает того, чтобы быть восстановленным, рекультивированным. При этом, рассуждая об утерянном университете, обычно имеют в виду (1) утрату идеи (в том смысле, что идея университета растворилась), (2) утрату практик, которые могут быть названы конститутивными для университета (например, исчезновение «академического сообщества»), (3) утрату социального пространства, которое прежде занимал университет (университет больше не пользуется академической автономией, которой когда-то обладал). Кратко это можно назвать утратой нарратива, идентичности и положения, причём эти три момента переплетены и взаимно

¹ Walker M., and Nixon J. (eds.) *Reclaiming Universities from a Runaway World*. Maidenhead: SRHE/Open University Press and McGraw Hill, 2004.

² См. напр.: Beck U., Beck-Gernsheim E. *Individualization*. London: Sage, 2002; Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир, 2004.

обуславливают друг друга.³ Очевидны вопросы: имеют ли в такой ситуации смысл призывы к рекультивации университета? Не означают ли они просто «плач обездоленных», да и ещё, как правило, с левыми коннотациями (типа «академического капитализма» и тому подобных метафор)?

На мой взгляд, эти вопросы, и прежде всего описанная Барнетом совокупность «утрат», находятся в центре книги Владимира Мацкевича и Павла Барковского. Причём особую пикантность рассуждениям авторов придаёт жёсткое, но справедливое замечание Барковского: «Университета в современной Беларуси нет» (с. 94). Иными словами, рассуждая прежде всего о перспективах белорусского университета, авторы ищут то, чего Беларусь и не утрачивала, ибо никогда этого не имела, – университет модерни. И, конечно, закономерен вопрос о том, насколько имеет смысл это движение вперёд, но с повернутой назад головой. Как тут не вспомнить слова Пьера Бурдьё:

«Принадлежащие университетскому миру, по сути, сформированные университетом, мы очень склонны думать о нём как о чём-то очевидном, т. е. универсальном, и абсолютизировать отдельный университет, продуктом которого мы являемся»⁴.

Своеобразие рецензируемой монографии придаёт то, что под одной обложкой встретились тексты, очень разные по стилю, задачам и логике изложения, опирающиеся на различные традиции.

С одной стороны, текст Мацкевича – это собрание публичных лекций автора, предлагающих нам, как неоднократно подчёркивает автор, «идеальную модель» университета и практически (политически) ориентированную программу её реализации. Автор, стремясь представить университет в его целостности и полифункциональности, рассматривает исторические и современные формы мышления в университете, характеризует университет как национально-образующий инструмент культурной политики и место сосредоточения проектных и программных элит, а также как образовательное учреждение и субъект культурной политики. В процессе изложения данной программы мы встречаем много интересных идей и рекомендаций, которые в случае реализации, вероятно, выявят и свою перспективу, и свою ограниченность. Замечу, что подобного рода конструкции сложно рецензировать, ибо в публичных выступлениях обычно много риторики, существенные блоки аргументации, как правило, пропускаются, отсутствуют отсылки к определённой литературе и т. п. Соответственно, нужно пытаться реконструировать концептуальные послы автора и его аргументы. Понятно,

³ Barnett R. *Reclaiming Universities from a Runaway World* // Walker, Nixon (eds.), op. cit., p. 195.

⁴ Бурдьё П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // *Socio-Logos*'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М.: Socio-Logos, 1996.

что такую реконструкцию всегда можно опровергнуть как неадекватную. Ситуация усложняется и тем, что автор часто использует в специфическом смысле и без прояснения те или иные традиционные концепты, а также работает вне языка и традиций новейших поисков в сфере теории и практики высшего образования, следуя традиции, носителем которой, кажется, остался только он один.

С другой стороны, в случае текста Барковского мы имеем перспективный философско-теоретический анализ проблемы на языке современной теории и практики, правда, местами весьма абстрактный при слабой опоре на реальный образовательный опыт в духе предлагаемых перспектив развития университета. В частности, автор обращается к идее автономии как исторического основания университета, говорит о соотношении фундаментальных ценностей и принципа эффективности, науки и образования в университете, прописывает перспективы развития современной университетской автономии и корпоративности, фактически через развитие университета описывает современную социальную динамику. Барковский также обращается к истории университета и в этом контексте пытается описать проект белорусского университета будущего. По ходу высказываются масса интересных теоретических положений, побуждающих размышлять над тем, что они значат для реальной практики.

И вот такая встреча разнонаправленных текстов (упрощённо говоря, «практического» и «теоретического») под одной обложкой, на мой взгляд, хорошо высвечивает как пределы конструирования образовательных структур в контексте сугубо белорусских реалий и практик, так и перспективы движения к современным образовательным практикам при отказе от доморощенности и абстрактного созидательства.

В названиях обоих рецензируемых текстов, и это их первый ключевой сюжет, присутствует концепт «идеи университета», что также предполагает наличие у университета особой миссии. Иначе говоря, авторы следуют традиции, идущей от Дж. Ньюмена и В. Гумбольдта, предполагающей построение определённого нарратива университета, который придаёт смысл его существованию. В этом контексте прописывается и его миссия. Как и многие другие исследователи, авторы исходят из кризиса и утраты университетом его идеи и миссии и необходимости их нового конструирования (или реконструкции) в контексте радикального переосмысления оснований классического университета. При этом в духе современной логики явно или неявно предполагается, что такая идея может быть найдена и на её основе мы выстроим действительно современный университет. Конечно, трудно возразить против утверждений авторов, что университеты должны быть «мыслящими коллективными организациями» (Мацкевич), что они должны «воспитывать рефлексивное, свободное и творческое общество» (Барковский) и т. д. Но не должны ли это делать и другие социальные институты? Авторы исходят из презумпции сохранения университета

как образовательной структуры и в будущем. Такая гипотеза может быть принята. Но насколько она доказуема? Пока это вопрос. Мы пытаемся экстраполировать тенденции и язык прошлого на радикально неизвестное будущее, на общество социальной неопределённости. Понятно, что у нас нет иного выбора. Но, по крайней мере, мы должны видеть изначальную гипотетичность любых наших построений будущего, которое в силу ускорения социальной динамики, появления всё новых и новых радикальных технологий принципиально непредсказуемо. Уходят в прошлое все привычные для нас формы социальной и политической организации, уходят не без сопротивления, чему хороший пример Беларусь. Почему же мы полагаем, что сохранится в своих неких постоянных компонентах (или основаниях) социальный институт, именуемый университетом?

В этой связи мне вспоминается разграничение, проведённое Валентином Акудовичем между «идеей Беларуси» и «дискурсом Беларуси»⁵ как весьма разными предприятиями, и его призыв отказаться от конструирования «идеи Беларуси» как дела бесперспективного да и весьма опасного, как то показывает исторический опыт реализации тех или иных «верных» и «правильных» (и ещё «более правильных») идей. По аналогии с рассуждениями Акудовича я полагаю, что нам давно пора отказаться от поиска «идеи университета», даже если этот поиск и освящён авторитетом, скажем, К. Ясперса, тем более что таковой идеи как некоего целого никогда и не было, что хорошо показал в своей книге Б. Ридингс, различая по крайней мере три такие идеи: университет разума (Кант), университет культуры (Гумбольдт) и университет совершенства (современность).⁶ Нам действительно нужно учиться жить на руинах прежнего университета и конструировать различные его дискурсы или дискурсивные практики, особенно в ситуации, когда формы институтов, именующих себя университетами, становятся всё более многообразными. Кстати, именно таким конструированием, и весьма интересным, собственно, и занимаются авторы рецензируемой монографии, правда, заворачивая в ряде случаев его продукты в прежние «идейные» упаковки.

Такой «упаковкой», например, является акцент авторов, главным образом Мацкевича, на нациообразующей функции университета. При этом несколько странным выглядит приписывание этой функции Краковскому и Карлову университетам на ранних этапах их существования (с. 32), как и приписывание Яну Амосу Коменскому, предложившему дисциплинарные образовательные практики, отвечавшие универсалистским притязаниям модернистской идеи национального университета (с. 37). Такая функция начала появляться у университета только в XIX веке вместе с развитием национальных государств (которых ещё не знает даже Кант) и, действительно, становится очень популярной в Восточной Европе.

⁵ См.: Акудовіч В. *Разбурыць Парыж*. Менск: Логвінаў. 2004.

⁶ Ридингс Б. *Універсітэт у руінах*. Мінск: БГУ, 2009.

При этом можно согласиться с авторами в том, что Беларусь, становясь современной нацией, должна формировать и современную систему высшего образования. А вот нужен ли ей национальный университет в прежнем его понимании, вопрос весьма открытый. С тем, что университет есть культивирование мышления, трудно спорить. Но культивировать его он должен не по белорусским, а по мировым стандартам, если хотите, стандартам Чикагского, а не, условно говоря, Барановичского университета. В этом плане весьма интересны рассуждения Барковского о глобальном университете. Белорусский университет либо станет глобальным, включённым в глобальные образовательные сети, либо останется местечковым, но тогда судьба его печальна. И только в качестве глобального университета, развивая «культуру несогласия», белорусский университет выполнит и национальную задачу, а именно, влияя на воспитание гражданской идентичности белорусов, формируя культуру гражданской коммуникации.⁷ И тут согласимся с авторами в признании особого значения так называемого либерального образования (*liberal arts education*). Реальный поворот к «либеральным искусствам» явился бы революцией для белорусского университета. Если этого не будет, то всё остальное не имеет значения и можно просто закрывать национальное образование. Но такой поворот может быть совершён только самим обществом, появлением в нём соответствующих потребностей. Последнее же возможно, повторимся, только с реальным включением белорусского общества в глобальные процессы. Без этого мы будем иметь местечковое общество, местечковую экономику и местечковое образование, какие бы при этом правильные и красивые слова мы ни употребляли. Впрочем, мы это уже и имеем.

Вторым важным сюжетом книги является обращение к прописыванию идентичности университета, которое авторы осуществляют через концепт корпорации, что особенно детально и аргументированно представлено в тексте Барковского. Автор вполне убедительно пишет об университете как корпорации, полагая, что дух корпорации уходит и его стоило бы восстановить (с. 118 и далее). Действительно, в Беларуси не сложилась корпоративная академическая культура. Автор прав, рассуждая о необходимости развития институтов самокритики и самоанализа, этики научного дискурса, о том, что в белорусском университете будущего должна развиваться расширенная структура корпорации, рефлексивная общность, солидарность, хотя и агонистическая, и ответственность в исполнении его миссии, должно сформироваться иное качество научного этоса и т. д. При этом заметим, что никакая университетская корпорация в нынешней Беларуси не возникнет без радиального изменения самого общества и его сознания. То, что мы называем университетом, есть продукт специфической культуры, сформировавшейся веками, культуры, которая в Беларуси несколько сто-

⁷ Подробнее см.: Delanty G. *Challenging Knowledge: The University in the Knowledge Society*. Buckingham: Open University Press, 2001.

летий искоренялась. Более того, по моему убеждению, мы уже проскочили этап классического модерна, и Беларусь находится совсем в ином социальном окружении.

В идеале верно: каков сегодня университет, таково общество завтра. Но не кажется ли вам, что университет будет таким, каково общество сегодня? И тогда вполне приемлемы печальные выводы автора о ситуации белорусского общества. Однако университет ли в этом виновен? Да, это особый образ жизни. Но на чём основано убеждение, что он может стать иным по сравнению с окружающим социумом? И там, и там – те же люди. Если в обществе не развита корпоративная этика, поскольку в нём не развиты современный индивидуализм и личностная автономия, то откуда в отдельно взятом университете такая этика утвердится? Вопрос, остающийся в книге без ответа, при всём множестве предложенных авторами рецептов организации университетской жизни. А ведь сегодня образование приобретает дистанционный и прерывистый характер. Тогда что есть в этом случае корпорация университета? Длительное соби­рание молодых людей в какой-то точке для получения образования оказывается всё более и более экономически и социально неперспективным. Образование становится точечным. Сетевое общество предполагает и сетевой университет. Как в таком случае будет организована университетская корпорация, причём глобальная, с соответствующим этосом?

Эти вопросы выводят нас к ещё одному ключевому сюжету рецензируемой книги – социальному пространству, которое может занять современный (и белорусский, в том числе) университет. Барковский описывает эту ситуацию на языке университетской автономии, выражающей практики университетской корпорации. При этом автор полагает необходимым переход от традиционной автономии, которая скорее изолировала университет от общества, к так называемой радикальной автономии, фактически превращающей университет в ключевой социальный институт («правлящий класс»), который конструирует продвинутые социальные практики в широком смысле слова. Параллельно с этой перспективной, хотя и несколько утопической конструкцией автор делает радикальный вывод о том, что «любые формы внешнего контроля и принуждения по отношению к университету и его сообществу приводят к деградации самой этой системы» (с. 123). Согласимся, сегодня имеет место рост бюрократического контроля и так называемого менеджериализма, а в некоторых странах рост и прямого произвола по отношению к университету, но при этом никто не может исключить столь важную идею подотчётности университета, особенно в ситуации массового высшего образования и постоянного удорожания действительно качественного образования. Абсолютизация автономии так же может вести к деградации университета, тем более что университет внутренне не склонен к реформированию, будучи очень удобной структурой для удовлетворения различного рода интересов педагогического сообщества. И очень часто именно

защита этих удобств и групповых привилегий скрыта за мантрами об «академическом капитализме». Заметим, что различного рода реформы системы образования чаще всего инициировались извне, политическими структурами. Университеты сначала сопротивлялись этим изменениям, но потом всё же принимали их ради выживания. Развитие Болонского процесса тому наглядный пример. Не будем также забывать о кризисе культуры экспертизы в обществе риска, о недоверии современного общества к экспертам, которые чаще всего прикрываются университетской «крышей». За кризисом легитимации университетской культуры скрыт кризис самого понимания знания, стандартов, которые задаёт университет, связи знания с этическим измерением.⁸

В пятой, последней, лекции Мацкевича социальное пространство университета описывается на языке политик университета, или «рамки» его деятельности, каковых, по мысли автора, четыре: мышление, социокультурная рамка, культура и проектирование. Именно здесь автор предлагает нам программу развития белорусского университета, программу интересную и в ряде аспектов реализуемую, если, конечно, будет учитываться, что такая реализация возможна только при участии множества субъектов. На другом языке столь же интересная программа предлагается и в последнем разделе текста Барковского. Но при этом складывается ощущение, что авторы говорят тут о чём-то совсем другом, скорее всего о «проекте Беларусь», называя его при этом «университетом». Но это, по моему мнению, ведёт к определённой узости замысла авторов, поскольку фактически предполагается, что университет конструирует проекты, которые потом все дружно реализуют, преобразуя общество. Увы, это не так. Как я уже отмечал, последовательность тут иная: сначала общество, потом университет.

И в этой связи хотелось бы отметить ещё один очень важный момент. Как и во множестве других книг об университете, в рецензируемой монографии мы фактически не встречаемся с главным субъектом, ради которого всё это затевается, а именно со студентом, его потребностями, интересами и т. д., с тем, что Барнет концептуализирует как «*волю к учёбе в эпоху неопределённости*», которая сегодня всё больше превращается в волю к жизни.⁹ Априори предполагается, что мы хорошо знаем эти потребности и интересы («меню»), что мы должны воспитать («кормить») студента для того-то и того-то, втянуть его/её к некую систему, затолкать в определённую ячейку и т. д. Иначе говоря, студент объективируется, превращается в некое «*послушное существо*» (Бурдье), схему нашего воздействия. И при этом вообще речи нет о том, а чего желает сам студент, ибо предполагается, что те, кто проектируют университет в соответствии с принятой (и непременно всеобщей) его идеей, всё это изначально знают сами. Замечу, что нынешний сту-

⁸ Delanty, op. cit.

⁹ См.: Barnett R. *A Will to Learn: Being a Student in an Age of Uncertainty*. Berkshire: Open University Press, 2003.

дент – это человек, выросший в совершенно иных условиях, чем все его преподаватели, даже младшего поколения, это человек сетевого общества, интернет-эпохи, ризоматического мышления и т. д. Мы же всё ещё пытаемся обращаться к этому человеку со схемами Просвещения, с некими всеобщими ценностями, с авторитетными для нас именами и т. д. При этом забывая, что учреждения (высшего) образования становятся всё более многообразными и к тому же выходят за пределы национальных границ. Мы можем сколько угодно толковать об университете Беларуси, да ещё национальном, о высоких материях и прочем, а молодые люди будут учиться в совсем других университетах, которые отвечают их реальным потребностям. Благо, современные технологии всё больше позволяют учиться в любой точке земного шара, не уезжая из своей локальности. Возможно, это и есть университет как игра, если следовать терминологии Барковского.

Какое же будущее, в итоге, ожидает университет? Авторы рецензируемой монографии весьма любопытно описывают движение к университету будущего на языке перехода от «эпохи проектирования» к «эпохе программирования» (Мацкевич) или к автопрограммированию университета (Барковский). Я описывал бы этот процесс всё-таки на языке движения от модернити к постмодернити, исходя из того, что, несмотря на всю свою автономию, университет есть часть глобальных социальных изменений и соответствующих быстро меняющихся дискурсивных практик, а не просто самодостаточная институция. Авторы правы, когда вскрывают тоталитарные тенденции современного образования, а точнее, эпохи Просвещения в её увлечённости инженерными проектами, включая коммунистический. Но, пытаясь уйти от этого, мы постоянно сталкиваемся с парадоксом, который очевиден и в рецензируемой книге. Само образование всё более становится постмодерным с точки зрения столкновения различного рода дискурсов, интердисциплинарности, отказа от универсалий в реальных образовательных практиках и т. п. Но при этом не прекращаются попытки найти некие основания и универсалии образования, идею университета, его идеальную модель, правильный и единственный метод (или программу) его построения. Иначе говоря, всё ещё налицо склонность мыслить модерными категориями в постмодерной ситуации.

Естественно, что мы не ведём речь о постмодерне и «постмодернизме» как некой чётко фиксированной и согласованной «системе». Речь скорее идёт о комплексе и многообразии идей, которые сопротивляются редукционистским и упрощённым объяснениям и экспликациям, о непрерывной проблематизации мышления и организации, о постановке под вопрос самого понятия систематического объяснения, исходя из некой заранее заданной «методологии». Акцент при этом делается на децентрированном субъекте, который конструируется языком, дискурсами, желанием и бессознательным, что, как можно предположить, противоречит самой

традиционной цели образования и традиционным основам образовательной деятельности. Иначе говоря, мы можем сказать, что современный подход к организации образования фактически становится сегодня тормозом социального развития, ибо ориентирован на подготовку субъектов для уходящего времени, готовя их, так сказать, к «прошедшей войне». Постмодерный подход чётко высвечивает тот конфликт, в котором оказывается современное образование. Образование, как известно, иерархично, структурно и процессуально непосредственно связано с иерархией производства, организации и диссеминации знания, опирается на веру в мотивирующего и направляющего себя самозаконного субъекта, способного рационально организовать свою деятельность в направлении прогресса. Очевидно, что постмодерная перспектива вступает в конфронтацию с эпистемологией и её глубоко укоренившимися представлениями об основаниях, дисциплинарности и научности. И именно это побуждает нас искать иные пути размышлений о сути и направлениях образования, изначально не надеясь на возможность нахождения некоего однозначного решения и некой новой, но при этом единственной модели университета.¹⁰

Это означает, что нам следует быть скептическими относительно фундаментализма в любых его формах, тотализирующих и однозначных объяснений и теорий, принимаемых как само собой разумеющееся образовательных парадигм, будь то либеральная, консервативная или прогрессивная. И, кстати, постмодернистский подход как раз и акцентирует специфику локальности, в том числе и того же «белорусского университета», но во взаимодействии с другими локальностями ради поиска взаимопонимания в глобальном пространстве. В таком случае мы находимся в контексте реальных повседневных практик, а не действуем на языке обращения к некой трансцендентной и инвариантной системе ценностей. Этим не отбрасываются определённые нормы. Постмодернити отвергает изначальное существование неких оснований, ибо эти основания непрерывно и каждый раз по-новому обнаруживаются в рамках повседневных практик, а не в трансцендентных источниках, где, например, скрыта идея университета. Формируя те или иные модели университета, важно помнить о том, что в своё время прояснил ещё Мишель Фуко, а именно, что дискурсы освобождения, несмотря на все их намерения, так или иначе связаны с «волей к власти». Педагогам зачастую трудно признать, что их эмансипационные намерения, а обычно речь идёт именно о них, могут иметь, и как правило имеют, вполне реальные репрессивные следствия. Например, призывая к восстановлению/становлению классического университета, не стоит забывать, что он есть реализация репрессивных по сути дискурсов Просвещения под видом эмансипации субъекта. И особенно это очевидно в условиях отсутствия демо-

¹⁰ См.: Usher R., Edwards R. *Postmodernism and Education*. London and New York: Routledge, 1994.

кратии и публичности, как то было с советским университетом и как это происходит сейчас с университетом белорусским.

Иными словами, вне переосмысления и переструктурирования социального контекста вести речь о некоем новом белорусском университете просто бессмысленно да и опасно. И как раз в этом смысле мы и видим решающую роль образования, а именно обучение молодых людей «серфингу» в системе множественных и сталкивающихся дискурсов. Здесь как раз и выглядит перспективной модель постисторического университета как «сообщества несогласия» Ридингса, привлекаемая одним из авторов книги. Но, увы, заметим, эта модель полностью отвергает обращение к классическим моделям университета и попыткам их реанимировать. Иными словами, речь идёт о том, как сохранять идеал автономной личности при неизбежной склонности образования к манипулированию, программированию, прагматизму и т. д., к поиску единственно правильной модели обучения, т. е. как не потерять главное в образовании – обучающуюся индивидуальность. И именно здесь постмодерное мышление проблематизирует традиционную дуалистическую логику образовательных практик, всегда склонных к тому, чтобы с помощью власти навязать единственно правильный ответ. Определённости, которые мы конструируем, не здания на века, а лишь временные леса для решения конкретных задач повседневных практик, а не неких заранее заданных национальных программ. Вероятно, только так мы можем мыслить и действовать в нашем ускользающем от нас мире.

Григорий Миненков